

ПОСТСОБЫТИЙНЫЙ ДИСКУРС В ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВАХ: ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

ПАВЛОВА Н.Д.

*Институт психологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-0977>,
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru*

ГРЕБЕНЩИКОВА Т.А.

*Институт психологии РАН,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1815-4572>
e-mail: gretiya@mail.ru*

Статья посвящена исследованию постсобытийного интернет-дискурса, возникающего как отклик на сообщение, новость, событие. Рассматриваются направления его изучения и характерные феномены — проблематизация предмета обсуждения, негативная оценочность, увеличение числа референциальных объектов, их трансформация и др. Обсуждаются возможности интенционального подхода к исследованию постсобытийного дискурса в интернет-сообществах и таких его видов, как общеностной, новостной городской и др. Представлены оригинальные методические подходы интент-анализа и полученные на их основе данные эмпирического исследования интенциональной структуры дискурса и используемые в нем приемы воздействия. По результатам исследования, проведенного на материале 500 комментариев за 2013—2018 гг. на новостных и информационно-развлекательных сайтах (echo.msk.ru, vedomosti.ru, d3.ru и др.), установлено соотношение между интенциональными и риторическими характеристиками постсобытийного дискурса, позволяющее объяснять особенности выбора коммуникантами приемов оказания дискурсивного воздействия.

Ключевые слова: дискурс, интернет-дискурс, постсобытийный дискурс, интернет-сообщества, интенции субъектов общения, приемы воздействия, интенциональная детерминация выбора речевых средств, интент-анализ, контент-анализ.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-013-00163.

Для цитаты: Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Постсобытийный дискурс в интернет-сообществах: интенциональная структура и приемы воздействия // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 1. С. 138—148. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130110>

POST-EVENTUAL DISCOURSE IN ONLINE COMMUNITIES: INTENTIONAL STRUCTURE AND THE MANNERS OF DISCURSIVE IMPACT

NATALYA D. PAVLOVA

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-0977>,
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

TAISIYA A. GREBENSHCHIKOVA

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1815-4572>,
e-mail: gretya@mail.ru

The work is focused on the post-eventual discourse that is considered as collective response to the news, post, event etc. The paper discusses research approaches and such distinctive phenomena of the post-eventual discourse as topic problematization, negative appraisal, increasing number of referential objects and their transformation. We claim that perspectives on studying of post-eventual news and citizen discourse in online communities are related to the scope of Intent-analysis. Results of empirical work on the intentional structure of discourse and manners of discursive impact were found with original techniques of Intent-analysis. The sample included 500 comments on the news and UGC (user generated content) web-sites for the period of 2013 -2018. The relation between intentional and rhetorical features in post-eventual discourse reveals the communicant's choice of a particular way of discursive impact.

Keywords: discourse, Internet discourse, post-eventual discourse, online communities, communicants' speech intentions, manners of discursive impact, intentional determination of the choice of the discursive impact manner, intent-analysis, content-analysis.

Funding: This work was supported by the Russian Foundation for basic research (project № 18-013-00163).

For citation: Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A. Post-eventual discourse in online communities: intentional structure and the manners of discursive impact. *Экспериментальная психология = Experimental psychology (Russia)*, 2020. Vol. 13, no. 1, p. 138–138. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130110>. (In Russ.)

Введение

Возрастающую роль в осмыслении опыта и формировании образа реальности в сознании приобретает постсобытийный интернет-дискурс, который возникает как отклик на сообщение, новость, событие [3]. Социальные сети и интернет-сообщества становятся важной ареной дискуссий, в ходе которых субъекты общения не только выражают свое мнение, но и оказываются включенными в публичный дискурс, строящийся на базе мнений других людей, близких их собственной позиции. Социальные сети могут задавать направления развертывания дискурса относительно актуальных событий, который способен консолидировать людей вокруг того или иного мнения [2]. Он содержит важные индикаторы психоэмоционального состояния, отношений и ценностей личности и группы [9]. При этом изменчивость современной жизни и неоднозначность происходящего тоже находят отражение

в интернет-дискуссиях, содержание которых далеко не всегда благоприятствует созданию адекватного образа реальности и психологическому благополучию человека.

При изучении дискурса социальных сетей привлекает внимание проблематизация предмета рассмотрения и самого общения — процесс, который становится ключевым в построении постсобытийного дискурса [20]. Откликаясь на событие или сообщение о нем, коммуникант не выступает в роли стороннего наблюдателя, он выражает свое отношение к происходящему и делает это в экспрессивной, постоянно заостряемой форме. Постсобытийный дискурс неразрывно связан с оценочным толкованием, причем негативная оценочность является преобладающей [19; 13; 4] и распространяется как на предмет обсуждения, так и на процесс протекания взаимодействия. Такого рода тенденция к высказыванию негативных оценок обнаруживается в многообразных метакоммуникативных высказываниях, затрагивающих уместность тех или иных коммуникативных актов, компетентность партнеров, правомерность используемых ими приемов и тактик и пр. [20]. Выявляется влияние на коммуникацию в Интернете принятых в данном сообществе норм, обсуждаемой темы, содержания предыдущих комментариев, степени анонимности пользователей [25; 26; 24].

Оценочное отношение к миру рассматривается как основа конструирования субъектности в персональном интернет-дискурсе [18], обуславливающая характер дискурсивных стратегий. Ведущими стратегиями признаются следующие: общая стратегия самопрезентации и более частные стратегии антагонизма в отношении чужой позиции, доминирования, солидаризации, кооперативная и деструктивная стратегии [18; 10; 21]. Вместе с тем оценочное отношение проявляется, прежде всего, в интенциональности высказываний, которая отражает предметную направленность субъекта [6; 14].

К изучению речевых интенций обращен экспертный метод оценки речевого содержания, получивший известность как интент-анализ [23]. Метод позволяет реконструировать стоящие за речью интенции субъекта и описывать интенциональные структуры, сопряженные с ходом взаимодействия, используемыми коммуникативными тактиками, риторическими приемами и др. [17; 7; 15].

Среди актуальных вопросов интент-анализа — выбор приемов дискурсивного воздействия в ходе обсуждения. С позиций развиваемого подхода влияние на дискурс многообразных психосоциальных переменных опосредовано актуализирующимися в соответствующих условиях интенциями коммуникантов. Если, говоря о стратегиях воздействия, имеют в виду глобальную задачу, достигаемую через их реализацию, то интенциональный подход предусматривает связь между актуальными интенциями субъекта или определенной их совокупностью и используемыми им приемами воздействия [11]. Как показывают результаты анализа телевизионного дискурса, проведенного с применением метода Data Mining и системы WizWhy, употребление многих приемов дискурсивного воздействия сопряжено с характерным кругом интенций субъектов общения [8]. В частности, существуют приемы воздействия, которые при наличии релевантных интенций субъекта общения реализуются с такой регулярностью, что можно говорить о стереотипном порядке их использования. В числе таких приемов — сообщение позитивных/негативных фактов — прием, обнаруживающий связь с большим количеством разнообразных интенций и интенциональных комплексов.

На основе интент-анализа проведено сопоставление новостного и последующего постсобытийного дискурсов, выявившее качественный сдвиг интенционального состава, а также изменение в процессе обсуждения основных референциальных объектов [16]. На

материале информационных и информационно-развлекательных сайтов показано, что в постсобытийном дискурсе многократно увеличивается число категорий интенций, причем в числе добавляющихся в ходе обсуждения негативных интенций преобладают интенции с высокой выраженностью эмоционально-оценочного компонента: выразить возмущение, злорадство, обеспокоенность, обесценить действия, обвинить, осудить и пр. Проявляются также интенции дистанцирования и демонстрации превосходства и такие направленные на конкретного собеседника негативные интенции, как обидеть, выразить сарказм, оскорбить. Интенции нейтрального характера — выразить позицию, объяснить, предположить и др., а также позитивные интенции принятия и консолидации проявляются значительно реже. Одновременно происходит трансформация исходных референциальных объектов новостного дискурса (замена, обобщение, трансдуктивный перенос, размывание границ), и число референциальных объектов увеличивается.

В ходе дальнейшего развития исследований видов постсобытийного интернет-дискурса, таких как общеностной, новостной городской и др., осуществляется выявление и описание особенностей их интенционального состава и референциальных объектов, связанных с условиями функционирования, а также степень конфликтности [6; 5]. Так, получены данные о выраженности интенций аналитической направленности, поддержания дискуссии, поддержки партнера и желания помочь в новостном городском дискурсе форума. Представленность категорий негативных интенций здесь ниже, чем в общеностном постсобытийном дискурсе. Обнаруживаются интенции, специфичные для того или иного вида дискурса: в общеностном дискурсе — обвинить, выразить недовольство, обидеть и др.; в дискурсе форума — признать свою неправоту, выразить пожелание, благодарить и др.

Методика исследования

Изучение приемов оказания воздействия в постсобытийном дискурсе в соотношении с его интенциональными характеристиками составило цель исследования, проведенного на материале 500 комментариев за 2013–2018 гг. на новостных и информационно-развлекательных сайтах «echo.msk.ru», «vedomosti.ru», «d3.ru» и др. Анализировались наиболее популярные сообщения по уровню рейтинга или количеству комментариев данного ресурса (в зависимости от его технических особенностей) за выбранный период; был также осуществлен сплошной отбор комментариев, относящихся к данным сообщениям и составляющих собственно дискуссию.

Для выявления интенций субъектов общения применялся метод интент-анализа — экспертный метод оценки психологического содержания речи, направленный на квалификацию речевых интенций и сопряженных с ними коммуникативных тактик, риторических приемов и пр. [23; 17]. При квалификации интенций учитывались: языковые и речевые маркеры (наклонение глаголов, порядок слов, ударение и др.); данные о цели коммуникации, вытекающие из анализа контекста; ответные реакции партнеров, обнаруживающие понимание ими сказанного. Выделялись и описывались основные *интенциональные категории* — интенции определенного вида («поинтересоваться», «обвинить»), устойчиво проявляющиеся в речи при обсуждении событий. Каждая выделенная категория интенций с примером реализации вносилась в словарь, на который в дальнейшем опирались эксперты при оценке речевого материала.

Приемы речевого воздействия выявлялись на основании списка, составленного по литературным источникам, с использованием метода контент-анализа. Взаимосвязь между

реализуемыми приемами и актуальными интенциями субъектов общения устанавливалась с привлечением интенциональных моделей, полученных при сравнительном изучении видов массмедийного дискурса [8; 15].

Анализ эмпирических материалов осуществлялся пятью экспертами-психолингвистами, сотрудниками лаборатории психологии речи и психолингвистики ИП РАН. В соответствии с процедурой на первом этапе три эксперта независимо друг от друга осуществляли квалификацию выраженных интенций и используемых коммуникантами риторических приемов в эмпирическом материале. Полученные результаты подвергались групповой экспертной оценке с принятием совместного решения относительно категорий выделенных интенций и приемов речевого воздействия. Для валидации полученных результатов на втором этапе к процедуре экспертной оценки были привлечены дополнительно еще два эксперта, которые на основе составленных словарей оценивали представленность интенций и риторических приемов в материалах комментариев. Сопоставление оценок двух экспертных групп свидетельствовало о хорошей согласованности результатов, при этом значение статистики каппа, используемой для качественной оценки классификации объектов по категориям [22], равно 0,75. На третьем этапе с привлечением описанных ранее интенциональных моделей совместно всеми пятью экспертами в ходе открытой дискуссии определялась взаимосвязь между реализуемыми приемами воздействия и интенциями субъектов общения.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что обсуждение событий в Интернете предполагает употребление многообразных приемов убеждения и эмоционального воздействия, относящихся к различным уровням дискурсивной организации — выбору слов, построению высказываний, композиции дискурса в целом; всего было выделено и описано 14 приемов дискурсивного воздействия и 39 категорий интенций.

К числу важнейших инструментов, используемых субъектами общения для подтверждения собственного мнения и опровержения чужой позиции, относится **сообщение фактов, как позитивных, так и негативных**: «У меня много знакомых и приятелей кавказцев в Москве, работают они, например, ди-джеем на радио с названием “Наше”, профессором в ВШЭ, ведущим юристом в крупной сети фастфудов»; «Судя по 2016–2017 году и данным на других чиновников там, з/п у нее все же свыше 100, что, приблизительно, соответствует тому, что я знаю о зарплатах госслужащих». К инструментам усиления достоверности сказанного относится регулярно употребляемая коммуникантами **ссылка на очевидцев / личный опыт**: «В бытность моей службы приходилось видеть призывников и с грудью утюгом...»; «У мужа на производстве работает 5 мужчин и 1 девушка, поэтому я знаю, о чем говорю...». В той же роли может выступать и ссылка на авторитетное мнение: «Чтобы убедиться в этом надо почитать Коран»; «Еще древние говорили...»). Если прием сообщения позитивных/негативных фактов связан с большим количеством разнообразных интенций, то приемы ссылки на очевидцев и авторитетное мнение реализуются в дискурсе при актуализации интенции формирования представлений у аудитории слушателей.

Неотъемлемой составляющей оказания воздействия в постсобытийном интернет-дискурсе выступают приемы логико-семантического характера, такие как **неоднозначность высказывания, ирония**: «Оланд может одолжить галстук — у Саакашвили или у Березовского, на выбор — только выбирать будет не он»; «В ноябре будет повод вспомнить. Но рыбки все равно забудут». Данные приемы позволяют говорящему снижать ответствен-

ность за сказанное, поскольку оставляют свободу в интерпретации. Широко используется также **максимизация** — прием, предусматривающий сведение частного к общему за счет употребления лексики с семантикой обобщения и генерализации и расширения референциальных объектов высказываний («*Вечно казаки за царей и против народа*»). Эта особенность постсобытийного дискурса в комментариях совпадает с медийным телевизионным дискурсом, когда наиболее характерным интенциональным комплексом, влияющим на использование приема максимизации, является **сочетание интенций анализа ситуации и демонстрации ее негативных сторон** [8].

Однако в качестве наиболее универсального инструмента воздействия следует выделить **построение оппозиции «свой»—«чужой»** — способ убеждения с осуществлением самопрезентации и установлением отношений между говорящим, его собеседником и третьими лицами: «*Иуды продают Русскую землю и впускают полчища ненавистных «гостей»; «А теперь они как саранча заполнили нашу землю и пытаются делать здесь то, что не умеют и никогда не сумеют*». Дистанцирование от «чужих» реализуется не только в пренебрежительном оттенке высказывания («*Я ничего не одалживал у этой помойки [государства]*»), но и в указательных местоимениях («*этот господин*» — о чиновнике, «*эта система*» — о государственном аппарате, «*эта страна*» — о России). Подтверждением общности собеседников служит особый жаргон: «*мордокнига*» — фейсбук, «*кармический забор*» — ограничение комментирования по рейтингу, «карме». Интересно, что в медийном ТВ-дискурсе **прием использования особого жаргона** в большинстве случаев связан с сочетанием интенций формирования представлений аудитории, анализа ситуации (или демонстрации ее негативных сторон) и позитивной самопрезентации [8].

Инструментом идентификации «своих» собеседников, разделяющих совместную картину мира, выступают **прецедентные феномены** [12]: «*Хоть даже папа у тебя миллиардер и филантроп для своих детушек, а чувствуется маленький Ильич на звездочке, галстук из плохого красного нейлона, ковры на стенах и пыльный хрусталь в серванте — лет четыреста еще газончик подстригать*». В этом примере прецедентный текст, являющийся цитатой из анекдота про англичан, усиливается символами, важными для нескольких поколений россиян.

Вместе с тем при формировании нужных субъекту воздействия оценок и взглядов широко используются **приемы усиления эмоциональной выразительности**. В этом плане наряду с графическими средствами (прописные буквы, неординарное написание, картинки-мемы и пр.) большие возможности несут экспрессивно окрашенная лексика и фразеологизмы, содержащие в своем значении оценку предмета речи: «*убивать*», «*жертва*», «*животное*» (о человеке), «*нечисть*», «*чужаки*», «*рассыпается, как замок из песка*», «*таскать каштаны из огня чужими руками*». Широко представленный в постсобытийном дискурсе прием использования экспрессивных слов реализуется, с одной стороны, при негативной направленности на адресата (интенции обвинить, продемонстрировать чуждость), с другой стороны, он может быть связан со стремлениями обвинить оппонента и вместе с тем осудить сложившуюся ситуацию или акцентировать ее негативные стороны.

Эффективным инструментом воздействия выступает **использование стилистически сниженных лексических форм с ярко выраженным уничижительным оттенком**: «*хомячки*», «*кривосудие*», «*гейропейцы*», «*портянки*» (о военных), «*гопники*», «*нашисты*», «*чурки*», «*муслимы*». Кроме того, нельзя не отметить представленность в дискурсе провокативных, как правило, вопросительных высказываний, рассчитанных на эмоциональную

реакцию адресата: «*Может, ты готов на цифрах показать, что другие этнические группы совершают существенно больше преступлений, чем русские?*»; «*Мушкетер, вам надо быть в тонусе. Не пропускать ни одного сообщения из Вашингтона*». Высказывание «провоцирует» определенное психологическое состояние собеседника как объекта воздействия, обеспечивая, тем самым, ожидаемую реакцию.

Выводы

1. Изучению постсобытийного дискурса в интернет-сообществах может способствовать интенциональный подход, устанавливающий связь между актуальными интенциями субъектов общения и используемыми ими приемами речевого воздействия.

2. В постсобытийном интернет-дискурсе при формировании нужных субъекту воздействия оценок и взглядов на первый план выходят приемы усиления эмоциональной выразительности: экспрессивно окрашенная лексика и фразеологизмы, стилистически сниженные лексические формы с ярко выраженным уничижительным оттенком и др.

3. Повсеместно распространено сообщение позитивных или негативных фактов, которые пользователи, стремясь усилить достоверность сказанного, подкрепляют ссылками на авторитет, очевидцев, личный опыт и пр. Прием максимизации, осуществляемый за счет лексики генерализации и обобщения, служит аргументации и убеждению.

4. Неотъемлемой чертой дискурсивного воздействия в Интернете выступают приемы логико-семантического характера, такие как неоднозначность высказывания, ирония, уменьшающие ответственность говорящего за высказанные суждения.

5. Интенции дискредитации и критики собеседника могут реализовываться в форме провокативных вопросительных предложений, экспрессивных слов с негативной оценочностью; проявлению интенций консолидации служат приемы, поддерживающие оппозицию «свой—чужой» и объединение собеседников вокруг критики третьих лиц (жаргонизмы, прецедентные феномены, указательные местоимения).

Заключение

Постсобытийный интернет-дискурс сегодня является областью экспликации общественных оценок значимых событий российской действительности, способствующей не только отражению, но и формированию общественного мнения. При этом пользователь той или иной информационной онлайн площадки самостоятельно отбирает информацию согласно своим предпочтениям и установкам, что создает ощущение объективности получаемой информации. Очевидно, что открытые дискуссии, сопровождающие информационные сообщения, играют немаловажную роль при вынесении суждений, причем пользователь интернет-ресурса опосредованно, через чужой диалог, выступает объектом воздействия. В совокупности установленное нами соотношение между интенциональными и риторическими характеристиками такого постсобытийного дискурса позволяет объяснять особенности выбора коммуникантами приемов оказания дискурсивного воздействия, которое не всегда ими осознается. Постсобытийный дискурс новых медиа сходен с телевизионным дискурсом, и комментаторы обнаруживают владение типичными приемами создания того или иного образа события — генерализацией объектов и предметов дискуссии, приведением ссылок на сообщения очевидцев обсуждаемых событий, выбором определенных фактов, свидетельствующих в пользу высказываемого мнения и др. Необходима, однако, дальнейшая детализация представлений об интенциональной структуре видов постсобытийного

дискурса, роли коммуникативных и других факторов в ее формировании. Большой интерес представляет также анализ индивидуальных интенциональных паттернов субъектов общения и особенностей выбора ими инструментов оказания воздействия.

Литература

1. Афиногенова В.А., Павлова Н.Д. Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
2. Бобова Л.А. Механизмы социальной консолидации в сетевом сообществе // Вестник МГИМО Университета. 2014. 35(2). С. 208–216.
3. Василенко И.В. Культурный дискурс в региональном медиаполе: лингвистические параметры: дисс. ... канд. филол. наук. Великий Новгород: Новгородский гос.ун-т имени Ярослава Мудрого, 2015.
4. Градосельская Г.В., Пильгун М.А. Коммуникативные процессы в сетевой среде: междисциплинарный анализ политически активных сообществ в Фейсбуке // Вопросы психолингвистики. 2015. 4 (26). С. 44–58.
5. Гребенщикова Т.А. Интенциональное пространство дискурса интернет-форума // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1796–1802.
6. Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д., Афиногенова В.А. Различия интенционального содержания постсобытийного дискурса и дискурса форума в Интернете // Цифровое общество как контекст развития человека / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 122–127.
7. Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 208 с.
8. Григорьева А.А. Интенциональные основания психологического воздействия в дискурсе: дисс. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2012.
9. Девяткин Д.А., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В., Швеиц А.В. Интеллектуальный анализ проявлений вербальной агрессивности в текстах сетевых сообществ // Искусственный интеллект и принятие решений. 2014. 2. С. 27–41.
10. Дейк Тён ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. М.: Либроком, 2013. 344 с.
11. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с.
12. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 1 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. С. 82–103.
13. Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1(17). С. 67–76.
14. Павлова Н.Д. Дискурс: актуальные направления и перспективы психолингвистических исследований // Психологический журнал. 2018. № 6. С. 16–26.
15. Павлова Н.Д., Григорьева А.А. Интенциональные основания выбора средств речевого воздействия (на примере массмедийного дискурса) // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2012. № 10. С. 92–106.
16. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Воронин А.Н., Зачесова И.А., Кубрак Т.А. Постсобытийный дискурс в Интернете // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1845–1851.
17. Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.
18. Попова Д.А. Когнитивно-дискурсивная модель интернет-дискурса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 7(90). С. 223–226.
19. Радина Н.К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала «ИноСМИ.ру») [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>.

20. Романтовский А. В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 141–149.
21. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2 (14), С. 154–159.
22. Флейс Дж. Статистические методы для изучения таблиц, долей и пропорций. М.: Финансы и статистика, 1989. 317 с.
23. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Ценцов В.В. Слово в действии. Интенциональный анализ политического дискурса. СПб: Аллетейя, 2000. 320 с.
24. Fishkin J.S. & Luskin R.C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // Acta Political. 2005. Vol. 40. P. 284–298.
25. Spears R., Lea M., Postmes T., & Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide // Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology / Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, & G. Stasser (Eds.). New York: Cambridge University Press, 2011. P. 16–39.
26. Sukumaran A., Vezich S., McHugh M., & Nass C. Normative influences on thoughtful online participation // Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems. CHI'11. New York, New York, USA: ACM Press, 2011. P. 3401–3410.

References

1. Afinogenova V.A., Pavlova N.D. Intencional'nye patterny v replikah sobesednikov [Intentional patterns in replicas of interlocutors] // *EHksperimental'naya psihologiya [Experimental Psychology (Russia)]*. 2015. Т. 8. № 2. pp. 36–44 (In Russ.).
2. Bobova L.A. Mekhanizmy social'noj konsolidacii v setevom soobshchestve [Mechanisms of social consolidation in the network society] // *Vestnik MGIMO Universiteta [MGIMO Review of International Relations (Russia)]*. 2014. 35(2). pp. 208–216 (In Russ.).
3. Vasilenko I.V. Kul'turnyj diskurs v regional'nom mediapole: lingvisticheskie parametry: Dis. ... kand. filol. nauk. [The cultural discourse in the region media field: linguistic parameters of cultural discourse: Thesis for Candidate Degree in *Philology*]. Velikij Novgorod: Novgorodskij gos.un-t im. Yaroslava Mudrogo, 2015 (In Russ.).
4. Gradospel'skaya G.V., Pil'gun M.A. Kommunikativnye processy v setевой среде: mezhdisciplinarnyj analiz politicheski aktivnyh soobshchestv v Fejsbuke [Processes in the network environment: the interdisciplinary analysis of politically active communities on Facebook] // *Voprosy psiholingvistik [Journal of Psycholinguistics]*. 2015. 4 (26). pp. 44–58 (In Russ.).
5. Grebenshchikova T.A. Intencional'noe prostranstvo diskursa internet-foruma [Speech intentions of the internet forum discourse] // *Psihologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti [Psychology of a human as the subject of cognition, communication and activity]* / Otv. red. V.V. Znakov, A.L. Zhuravlyov. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. pp.1796-1802. (In Russ.).
6. Grebenshchikova T.A., Pavlova N.D., Afinogenova V.A. Razlichiya intencional'nogo sodержaniya postsobytiynogo diskursa i diskursa foruma v internete [Differences in intentional content between posteventual and forum discourses on the internet] // *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turnyj i istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka [Digital society as a cultural and historical context of human development]*. Pod obshch. red. R.V. Ershovoj. Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet, 2018. pp. 122–127. (In Russ.).
7. Grebenshchikova T.A., Zachiosova I.A. Psihologiya povsednevnogo diskursa: Intencional'nyj aspect [Psychology of everyday discourse: an intentional aspect]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2014. 208 p. (In Russ.).
8. Grigor'eva A.A. Intencional'nye osnovaniya psihologicheskogo vozdejstviya v diskurse [Intentional basis of psychological impact in discourse]. Diss. ... kand. psihol. nauk. [Thesis for Candidate Degree in Psychology] M.: Institut psihologii RAN, 2012. (In Russ.).
9. Devyatkin D.A., Kuznecova YU.M., Chudova N.V., Shvec A.V. Intel'ktual'nyj analiz proyavlenij verbal'noj agressivnosti v tekstah setevyh soobshchestv [An intellectual analysis for the social web:

- recognizing verbal aggression]// *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij [Artificial Intelligence and decision making (Russia)]*. 2014. 2. pp. 27–41. (In Russ.).
10. Dejk van [Dijk van T.A.] Diskurs i vlast': Rerezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii [Representation of dominance in language and communication]. M.: Librokom, 2013 (In Russ.).
11. Diskurs v sovremennom mire. Psihologicheskie issledovaniya [Discourse in the contemporary world] / Pod red. N.D. Pavlovoj, I.A. Zachiosovoj. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2011. 368 p. (In Russ.).
12. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyh fenomenov [Precedent name and precedent collocation as the symbols of precedent phenomena] // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej [Language, mind, communication: collection of articles (Russia)]* / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: Filologiya, 1997. Vol. 1. p. 82–103. (In Russ.).
13. Kirilina A.V. Internet-zhanr «kommentarij chitatel'ya» [Internet-genre “comment of a reader”]// Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie» [MCU Review. Ser. “Philology. Language Theory. Language Education” (Russia)]. 2015. № 1 (17). S. 67–76. (In Russ.).
14. Pavlova N.D. Diskurs: aktual'nye napravleniya i perspektivy psiholingvisticheskikh issledovanij [Discourse: topical issues and perspectives on psychology studies]// *Psihologicheskij zhurnal [Journal of Psychology (Russia)]*. 2018. № 6. pp.16–26. (In Russ.).
15. Pavlova N.D., Grigor'eva A.A. Intencional'nye osnovaniya vybora sredstv rechevogo vozdejstviya (na primere mass-medijnogo diskursa) [Intentional basis of the choice of the speech impact manner]// Psiholingvistika: Naukovo-teoretichnij zbirnik [Psycholinguistics: scientific and theoretical collection (Ukraine)]. 2012. № 10. pp. 92–106. (In Russ.).
16. Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A., Voronin A.N., Zachiosova I.A., Kubrak T.A. Postsobytiynyj diskurs v Internete [Post-eventual discourse on the Internet]// *Psihologiya cheloveka kak sub'ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti [Psychology of a human as the subject of cognition, communication and activity]* / Otv. red. V. V. Znakov, A. L. ZHuravlev. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. pp. 1845–1851. (In Russ.).
17. Pavlova N.D., Grebenshchikova T.A. Intent-analiz. Osnovaniya, procedura, opyt ispol'zovaniya [Intent-analysis: basis, procedure and application]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. 151 p. (In Russ.).
18. Popova D.A. Kognitivno-diskursivnaya model' Internet-diskursa [Cognitive and discursive model of the Internet discourse]// *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Irkutsk State Technical University Review (Russia)]*. 2014. № 7 (90). pp. 223–226. (In Russ.).
19. Radina N.K. Intent-analiz onlajn-diskussij (na primere kommentirovaniya materialov internet-portala InoSML.ru) [Intent-analysis of the online discussion (on the data of the Web portal InoSML.ru) // *Mediascope [Mediascope]*. 2016. Vol. 4. Accessed: <http://www.mediascope.ru/2238>. (In Russ.).
20. Romantovskij A.V. Metakommunikativnye indeksy v diskurse internet-kommentarijev (Indexes of metacommunication of online comments discourse]// *Vestnik leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Pushkin Leningrad State University Review (Russia)]*. 2015. T.1. №3. pp. 141–149. (In Russ.).
21. Sidorova I.G. Kommunikativno-pragmaticheskie karakteristiki personal'nyh i interpersonal'nyh zhanrov internet-diskursa [Communicative and Pragmatic features of the personal and interpersonal genres of Internet Discourse]// *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie [Volgograd State University Review, Seria 2: Language Studies]*, № 2 (14), 2011. pp. 154–159. (In Russ.).
22. Flejs Dzh. Statisticheskie metody dlya izucheniya tablic, dolej i proporcij [Statistical Methods for rates and proportions]. M.: Finansy i statistika, 1989. (In Russ.).
23. Ushakova T.N., Pavlova N.D., Alekseev K.I., Latynov V.V., Cepcov V.V. Slovo v dejstvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa [The Action of the Word: Intent-analysis of political discourse]. SPb: Alletejya, 2000. 320 p. (In Russ.).
24. Fishkin J. S. & Luskin R.C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // *Acta Political*. 2005. Vol. 40. P. 284–298.
25. Spears R., Lea M., Postmes T., & Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide // Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, & G. Stasser (Eds.). *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology*. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 16–39.

26. Sukumaran A., Vezich S., McHugh M., & Nass C. Normative influences on thoughtful online participation // *Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems*. CHI'11. New York, USA; ACM Press, 2011. P. 3401–3410.

Информация об авторах

Павлова Наталья Дмитриевна, доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской Академии наук, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-0977>, e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Гребенщикова Таисия Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской Академии наук, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1815-4572>, e-mail: gretiya@mail.ru

Information about the authors

Natalya D. Pavlova, Doctor of Psychology, Head of laboratory of psychology of speech and psycholinguistics, Federal State Budgetary Organization of Sciences Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1516-0977>, e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Taisiya A. Grebenshchikova, Candidate of Psychology, Senior research associate, Laboratory of psychology of speech and psycholinguistics, Federal State Budgetary Organization of Sciences Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1815-4572>, e-mail: gretiya@mail.ru

Получена 27.03.2019

Received 27.03.2019

Принята в печать 28.11.2019

Accepted 28.11.2019